

Н икогда не случалось мне сомневаться в здравости своего рассудка так часто, как в ту, первую ночь, когда женщина-птица и ее подопечные явились спасать меня от сумасшедшего дома. Потому что именно туда я и направлялся, сплюсненный между двумя моими упитанными дядюшками на заднем сиденье родительского автомобиля, — как вдруг целая стена странных детей будто выпрыгнула прямоком из моих фантазий на подъездную дорожку впереди. Озаренные нашими фарами, они преграждали нам путь, словно ангельское воинство.

Мы с визгом затормозили. Вал пыли из-под колес скрыл все, что было впереди ветрового стекла. Уж не я ли сам вызвал это эхо, эту мигающую голограмму откуда-то из глубин своего разума? Мои друзья — и вдруг здесь, сейчас... да во что угодно будет легче поверить! Со странными детьми все кажется возможным, но в невозможность такого визита я до сих пор верил совершенно твердо — среди прочих, весьма немногих исключений.

Я сам решил оставить Дьявольский Акр. Вернуться домой, куда друзья не могли за мной последовать. Я надеялся, что там сумею свить воедино разрозненные ниточки своей жизни: нормальное и странное, обычное и необычайное. Еще одна невозможность...

Дедушка, помнится, тоже пытался сшить свои разные жизни вместе и потерпел неудачу, отдалившись в итоге и от нормальной семьи, и от странной. Отказавшись выбирать между двумя жизнями, он обрек себя на утрату обеих — и с минуты на минуту это предстояло и мне.

Между тем сквозь пыльное облако к нам шла некая фигура.

— Кто вы, черт подери? — спросил мой дядя.

— Алма ЛеФэй Сапсан, — любезно сообщила она. — Временно исполняющая обязанности главы Совета имбрин и директриса вот этих странных детей. Мы уже встречались раньше, хотя я и не рассчитываю, что вы вспомните. Дети, поздоровайтесь.

Если подумать, это очень странно — что разум может переварить и чему он сопротивляется. Я только что пережил самое сюрреалистическое лето, какое только можно вообразить: путешествия в прошедшие эпохи, укрощение невидимых чудовищ, влюбленность в застрявшую во времени бывшую подружку моего деда. Но только сейчас, в ничем не примечательном настоящем обычного флоридского городка, в доме, где прошло все мое детство, я обнаружил, что не в силах поверить своим глазам.

Енох развалился на нашем бежевом раздвижном диване и потягивал колу из папиного стакана с футболистами из «Тампа Бэй». Оливия расстегнула свои свинцовые ботинки, взмыла к потолку и теперь каталась, описывая круги, на вентиляторе. Гораций и Хью отправились на кухню: первый разглядывал фото на дверце холодильника, а второй — обшаривал территорию, ища, чем бы подкрепиться. Клэр, разинув оба рта, таранилась на гигантский черный монолит настенного телевизора. Миллард... скажем так, мамыны журналы по декору интерьеров воспаряли с кофейного столика, сами собой открывались и шелестели страницами в воздухе, пока Миллард их просматривал; отпечатки его босых ступней виднелись на ковре. Такое слияние миров я воображал тысячу раз, но не смел и мечтать о нем. Но вот вам, пожалуйста: мои До и После вдруг столкнулись с могучей силой, как две планеты в космосе.

Миллард уже попытался мне объяснить, как им удалось сюда попасть — судя по всему, невредимыми — и почему они больше не боялись задержаться в моем времени. Разру-

шение петли, чуть не прикончившее нас всех в Дьявольском Акре, перезапустило их внутренние часы. Как так вышло, он не очень разобрался, только понял, что в случае, если они пробудут слишком долго в настоящем, внезапное и катастрофическое старение им почему-то больше не грозит. Они просто станут взрослеть самым обычным образом, как я, — словно долг всех этих лет им неожиданно простился и они не потратили большую часть двадцатого века, проживая снова и снова один и тот же солнечный летний день. Без сомнения, это было настоящее чудо — беспрецедентный прорыв во всей истории странных людей. И все же оно удивляло и занимало меня и вполноину не так, как то, что они сейчас здесь, со мной, — что рядом стоит Эмма, прекрасная, сильная Эмма, и пальцы ее переплетены с моими, а сияющие зеленые глаза в изумлении разглядывают комнату. Эмма, о которой я так часто мечтал, которую видел во снах все эти долгие, одинокие недели, прошедшие со времени возвращения домой. На ней было приличное серое платье ниже колена и прочные туфли на плоской подошве, в которых, если что, и бегать можно, а волосы цвета песка были забраны в хвост. Когда от тебя долгие десятилетия зависят все и вся, поневоле станешь практичной до мозга костей, но ни ответственность, ни груз прожитых лет не погасили девчоночьей искры, так ярко озарявшей ее изнутри. Эмма была одновременно и жесткой, и мягкой, кислой и сладкой, старой и юной. И то, что она была всем этим сразу, я больше всего в ней любил. Душа бездонной глубины...

— Джейкоб?

Оказывается, она уже некоторое время со мной говорила. Я даже попробовал ответить, но разум мой уже засосало в зыбучие пески грез.

Она помахала рукой у меня перед носом, пощелкала пальцами — большой заискрился, как кремень. Я вздрогнул и пришел в себя.

— Ой, — сказал я. — Прости.

— Ты куда уехал?

— Я просто... — я махнул рукой, словно убираю невидимую паутину. — Так здорово снова всех вас видеть!

Собрать в охапку десяток воздушных шариков — и то проще, чем закончить такую фразу.

Ее улыбка не сумела скрыть некоторой озабоченности.

— Я понимаю, это очень странно, что все мы вдруг вот так к тебе заявились. Надеюсь, для тебя это не стало таким уж большим потрясением.

— Нет, что ты! Ну, ладно... есть немножко.

Я кивнул в сторону комнаты и всех, кто в ней был. Веселый хаос был постоянным спутником наших друзей.

— Ты уверена, что все это мне не снится?

— А ты уверен, что это не снится *мне*?

Эмма взяла мою ладонь и крепко пожала; тепло и твердость ее руки придали миру весомости.

— Сказать не могу, сколько раз за все годы я представляла, как приеду в этот городок.

Я на мгновение потерял дар речи, но потом до меня дошло. Ну, конечно... дедушка. Эйб же тут жил с пятидесятих — я помнил флоридский адрес на письмах, которые хранила Эмма. Взгляд ее слегка затуманился, словно она потерялась в воспоминаниях, а я ощутил совершенно неуместный укол ревности, и тут же его устыдился. Она имела полное право вспоминать прошлое и чувствовать себя не в своей тарелке от встречи наших двух миров. Совсем как я.

Тут в гостиную, словно торнадо, ворвалась мисс Сапсан. Она уже освободилась от дорожного плаща и осталась в изумительном пиджаке из зеленого твида и бриджах для верховой езды, словно и правда только что прискакала сюда верхом. На ходу директриса раздавала приказы.

— Оливия, немедленно спускайся! Енох, убери ноги с дивана!

В меня она ткнула пальцем и кивнула в сторону кухни.

— Мистер Портман, есть вопросы, требующие вашего внимания.

Эмма взяла меня под руку и составила мне компанию, за что я был ей чрезвычайно благодарен: комната пока так и не перестала кружиться.

— Уже пошли обниматься? — бросил Енох. — Мы же только приехали!

Эмма резко вскинула руку и слегка прижарила ему прическу. Енох отпрыгнул и принялся хлопать себя по дымящейся макушке. Я рассмеялся, и смех, кажется, вымел паутину у меня из головы. Да, друзья были совершенно настоящие и действительно сидели у меня в гостиной. Более того, судя по словам мисс Сапсан, они собирались тут немного погостить. Познакомиться, так сказать, с современным миром. Устроить себе каникулы. Заслужили они, в конце концов, или нет небольшой отдых от разрухи Дьявольского Акра, ставшего им временным пристанищем — теперь, когда их гордый старый дом на Кэрнхолме стерт с лица земли? Разумеется, я был им рад и, более того, невыразимо благодарен за приезд. Но вот что теперь с ними делать? И с моими родителями и дядьями, которых сейчас стерегла в гараже Бронвин? Нет, для одного раза это было слишком, и я решил оставить вопросы на потом.

На кухне возле открытого холодильника мисс Сапсан беседовала с Горацием. Посреди нержавеющей и прямых углов нашей современной кухни оба выглядели крайне неуместно, будто актеры, которые ошиблись съемочной площадкой. Гораций размахивал пластиковой упаковкой с сырными косичками.

— Но тут только странная еда, а у меня уже сотни лет во рту маковой росинки не было!

— Не преувеличивай, Хью.

— А я и не преувеличиваю. В Дьявольском Акре сейчас 1886-й, а завтракали мы там. Я только что закончил инвентаризацию и, должен признаться, потрясен. Пакет пищевой соды, банка соленых сардин плюс коробка печенья ассорти с популяцией жучка. У них что, правительство ввело продуктовые карточки? Идет война?

— Мы берем еду навынос, — объяснил я, поравнявшись с ним. — Мои родители обычно не готовят.

— Тогда зачем им такая возмутительно большая кухня? Я могу сколько угодно быть опытным *chef de cuisine*^{*}, но не в состоянии приготовить что-то из ничего.

На самом деле папа увидел эту кухню в каком-то журнале по дизайну и решил, что она ему нужна. Цена была несусветная, но он пообещал, что научится готовить и станет закатывать для всей семьи баснословные званные ужины. Правда, после нескольких занятий по кулинарии все эти мечты — как и большинство других его планов — пошли прахом. Так что теперь огромная и дорогущая кухня использовалась в основном для приготовления замороженных обедов из супермаркета и разогрева того, что вчера доставили из ресторана. Впрочем, ничего этого я не сказал, а только пожал плечами.

— Уверена, в ближайшие пять минут ты от голода не умрешь, — заявила мисс Сапсан и выгнала Горация и Хью из кухни.

— Итак, — продолжала она, поворачиваясь ко мне. — Вы сегодня что-то нетвердо стоите на ногах, мистер Портман. Вы себя хорошо чувствуете?

— С каждой минутой все лучше, — сказал я, слегка смутившись.

* Шеф-повар (*франц.*)

— Возможно, у вас легкие последствия смены петлевых поясов, — предположила она. — В вашем случае слегка отложенные, но тем не менее это абсолютно нормально для путешественника во времени. Особенно для новичка.

Она говорила, обращаясь ко мне через плечо, разгуливая по кухне и заглядывая в каждый шкафчик по очереди.

— Симптомы обычно самые разные. И давно у вас эти головокружения?

— Да вот с самого вашего появления. Но вообще-то я в полном порядке...

— А как насчет мозолей, мигрени, прободения язв? Имеются?

— Нет.

— Внезапные психические расстройства?

— Э-э-э... да вроде не припомню.

— Невылеченный синдром сдвига петлевых поясов — это вам не шуточки, мистер Портман, — сурово отрезала мисс Сапсан. — Люди от этого, бывает, и умирают. О! Печенье!

Она схватила с буфета коробку печенья, вытряхнула одну себе на ладонь и отправила в рот.

— Так. А улитки в утреннем стуле? — продолжила она, жуя.

Я чуть не расхохотался, но все-таки сумел взять себя в руки.

— Нет.

— Внезапная беременность?

— Вы же не серьезно, — содрогнулась Эмма.

— Нам известен только один такой случай, — мисс Сапсан пожала плечами, поставила на место коробку и пронзила меня взглядом. — Субъект был мужского пола.

— Я не беременный! — сказал я, пожалуй, чересчур громко.

— И слава богу! — прокричали мне в ответ из гостиной.

Мисс Сапсан ободряюще похлопала меня по плечу.

— Судя по всему, тебе ничего не грозит. Надо было предупредить тебя раньше.

— Хорошо, что вы этого не сделали.

Мало того, что я бы впал в паранойю, так еще и родители наверняка давно отправили бы меня в психушку, если бы я вдруг начал тайно скупать тесты на беременность и проверять утренний стул на предмет улиток.

— Честность прежде всего, — подытожила она. — Теперь, прежде чем мы начнем отдыхать и наслаждаться обществом друг друга, займемся делом.

Она принялась кружить по маленькому пятаку между раковиной и двумя духовками.

— Первое: надежность и безопасность. Я обследовала дом. Все на первый взгляд тихо, но внешность бывает обманчива. Есть что-нибудь, что я должна знать о ваших соседях?

— Например, что?

— Стаж преступной деятельности? Склонность к насилию? Коллекции огнестрельного оружия?

Соседей у нас было только двое: древняя миссис Меллорус — прикованная к креслу восьмидесятилетняя леди, покидавшая дом исключительно при помощи постоянно проживающей с ней сиделки, и немецкая пара, большую часть года проводившая где-то в другом месте. Их огромный и безвкусный, как «Макдоналдс», особняк в кейп-кодском стиле пустовал — возвращались они только зимой.

— Миссис Меллорус иногда шумит, — сказал я задумчиво. — Но если никто уж совсем особенный не ползет к ней на двор, проблем с ней не будет.

— Ясно. Второе: ощущал ли ты присутствие пустот с тех пор, как вернулся домой?

При этом слове, уже много недель не мелькавшем в голове и не слетавшем с уст, у меня подскочило давление.

— Нет, — быстро сказал я. — А что? Были еще нападения?

— Никаких нападений. Никаких признаков присутствия. Это-то меня и беспокоит. Так, теперь о твоей семье...

— Я думал, мы всех их убили или захватили в Дьявольском Акре, — перебил я, не готовый так быстро менять тему.

— Не всех. Нескольким тварям удалось скрыться, и они увели с собой небольшой отряд пустот после нашей победы. Мы полагаем, что они могли отправиться в Америку. И хотя я сомневаюсь, что они рискнут к тебе приблизиться — свой урок они, смею заметить, выучили хорошо, — но вынуждена предположить, что они что-то замышляют. Лишние предосторожности никогда не повредят.

— Они теперь боятся тебя, Джейкоб, — с гордостью сказала Эмма.

— Меня?

— Дураки бы они были, если б не боялись после взбучки, которую ты им устроил, — раздался из кухни голос Милларда.

— Вежливые люди не подслушивают чужих разговоров, — возмутилась мисс Сапсан.

— А я и не подслушивал. Я проголодался. К тому же меня послали попросить вас не мучить Джейкоба. Мы все, знаете ли, проделали долгий путь, чтобы повидать его.

— Они все ужасно по нему соскучились, — пояснила Эмма. — Почти так же сильно, как я.

— Возможно, настало время обратиться к собравшимся, — обратилась ко мне мисс Сапсан. — Обозначь им ряд основополагающих правил.

— Основополагающих правил? — удивился я. — Это каких же?

— Они — мои подопечные, мистер Портман, но это ваш город и ваше время. Мне нужна ваша помощь, чтобы защищать их от опасностей.

— По-моему, их достаточно просто кормить, — заметила Эмма.

Я повернулся к мисс Сапсан.

— А что вы говорили раньше, про моих родных?

Нельзя же держать их пленниками в гараже до скончания века... К тому же мне становилось неуютно от мысли, что с ними что-то придется делать.

— Не стоит беспокоиться, — сказала она. — У Бронвин все под контролем.

Не успели эти слова слететь с ее губ, как со стороны гаража раздался грохот, от которого затряслись стены. Дом потрянуло так сильно, что с ближайшей полки на пол посыпались стаканы. Все посмотрели на осколки.

— Это определенно похоже на ситуацию, *вышедшую из-под контроля*, — заметил Миллард.

Мы уже мчались в ту сторону.

— Всем оставаться на местах! — крикнула мисс Сапсан, пробегая мимо гостиной.

Я ринулся вон из кухни; адреналин подстегивал меня, Эмма наступала мне на пятки. Я не знал, чего ожидать, когда мы добежим до гаража: дыма? Крови? Грохот был очень похож на взрыв... В общем, я никак не думал, что застану родителей и дядьев спящими в машине как младенцы. Автомобиль застрял задом в здоровенной дыре, образовавшейся в подъемной гаражной двери; бетон вокруг был усыпан битым стеклом от задних фар. Motor работал вхолостую. Перед машиной стояла Бронвин, в руках она держала бампер.

— Ох, простите! Понятия не имею, что случилось, — сказала она и с лязгом уронила бампер.

До меня дошло, что нужно срочно заглушить двигатель, пока мы все тут не задохнулись; я кинулся к водительской двери. Она оказалась заперта. Ну конечно — родственники пытались спастись от Бронвин. Ясное дело, они перепугались.

— Я могу ее открыть, — предложила Бронвин. — Посторонись!

Она крепче уперлась ногами в пол и ухватилась обеими руками за ручку.

— Что ты... — начал я, но тут Бронвин дернула и открыла дверь. А заодно и сорвала ее с петель.

Вес и инерция довершили дело — дверь вырвалась из рук Бронвин, продолжила движение и врезалась в дальнюю стену. Звук от удара был такой, что меня отбросило назад.

— Фьюить! — прокомментировала Бронвин в наступившей за этим звенящей тишине.

Гараж напоминал попавшие под бомбежку дома, которые я видел в военном Лондоне.

— Бронвин! — воскликнула Эмма, убирая руки, которыми она прикрывала голову. — Ты могла кому-нибудь голову снести!

Я нырнул в дыру от водительской двери, перегнулся через спящую маму и вытащил ключ из замка зажигания. Мама привалилась к отцу, который храпел, упершись лбом в окно: от его дыхания на стекле получался пустой пузырь для слов, как в комиксах. На заднем сиденье в объятиях друг друга спали оба дяди. Несмотря на дикий шум, никто из них даже не пошевелился. Мне было известно только одно вещество, способное погрузить людей в такой глубокий сон, — перетертый в порошок кусочек Матушки Пыли. Выбравшись из машины и выпрямившись, я увидел мешочек снадобья в руках Бронвин. Она пыталась объяснить, что тут произошло.

— Тот джентльмен сзади, — она ткнула пальцем в моего дядю Бобби. — Он пытался достать свой... вот этот маленький...

— Мобильный телефон, — поспешно подсказал я.

— Он самый, — кивнула она. — Ну, я его и отобрала. Тут они все взбесились, как мешок с хорьками, и тогда я сделала, как показывала мисс Эс.

— Ты использовала порошок? — строго спросила мисс Сапсан.

— Я дунула прямо на них, но они не сразу заснули. Папа Джейкоба завел машину, но поехал почему-то не вперед, а... а...

Она махнула на продырявленную гаражную дверь. Мисс Сапсан ободряюще похлопала ее по руке.

— Да, дорогая, вижу. Ты все сделала совершенно правильно.

— Ага, и прямо в стену, — поддакнул Енох.

Из коридора на нас с любопытством тарацились остальные дети, сбившиеся в тесную кучку.

— Я, кажется, велела всем оставаться на месте, — заметила мисс Сапсан.

— Это после такого-то грохота? — спросил Енох.

— Прости меня, Джейкоб, — взмолилась Бронвин. — Они так разволновались, я просто не знала что делать. Я же не причинила им никакого вреда, правда?

— Нет, не думаю. — Я помнил, как сам спал плюшевым сном после порошка Матушки Пыли. Это далеко не худший способ провести несколько часов. — Можно я посмотрю дядин телефон?

Бронвин вытащила его из кармана и протянула мне. По экрану паутиной расплзлись трещины, но прочитать написанное было можно. Когда он включился, я увидел ряд сообщений от тети: «Что происходит?», «Когда ты будешь дома?», «У вас там все в порядке?». В ответ дядя